

Ответственность основного участника по долгам корпорации: мировые тенденции

Со второй половины XX в. страны Запада активно поощряют экономическую модель, в основе которой лежит деятельность глобальных корпораций, структурированных с целью распределения рисков и доходов между головной компанией и ее дочерними предприятиями в интересах первой. Насколько российский институт ответственности основного общества по долгам дочернего соответствует мировым тенденциям?

Алексей Иванов
магистр частного права,
преподаватель кафедры
международного частного права
факультета права Государственного
университета – Высшей школы
экономики

Право, как любая сложная социальная система, включает различные элементы и связи, характерные для сложно организованного системного образования, и построение нового института в рамках такой системы может оказать не вполне ожидаемое воздействие на общественные отношения. Правовой институт ответственности участника по долгам корпорации, которому посвящена данная статья, относится к высокому уровню организации правовой системы, потому зависит в значительной степени от того, как организован нижний ее «этаж» – институт корпорации¹.

По всей видимости, в основание российского правового института хозяйственного общества (российской модели корпорации) не заложена какая-либо из сложных теорий юридического лица, выработанных в советский период или в континентальной правовой традиции². Такой вывод можно сделать, поскольку российский хозяйственный быт переполнен случаями использования корпораций как одноразового инструмента, не позволяющими выявить у таких корпораций какой-либо «субстрат». Компании, художественно называемые «помойками», век коих недолог, а участь незавидна, тем не менее, всюду, куда ни взгляни, «строят» дома и дороги, «управляют» заводами и ресторанами, «выпускают» газеты и телепередачи, в общем, активно участвуют в хозяйственной жизни страны. Конечно, такие компании заключают сделки, нанимают работников, а также причиняют

вред. Но их хозяева спокойны и повторяют вслед за президентом Колумбийского университета рубежа XIX и XX столетий Николасом Мюрреем: «Корпорации, ограничивающие ответственность, – это величайшее изобретение современности... Даже паровые машины и электричество существенно менее важны, чем ограничивающие ответственность корпорации, и без них пар и электричество практически полностью потеряли бы свое значение»³.

Таким образом, если взять за отправную точку реальность, то нетрудно сделать вывод, что основная задача, решаемая современным российским законодательством в сфере правового регулирования корпораций, довольно проста – обеспечить возможность разграничения имущественных фондов участника оборота на подверженные риску его предпринимательской деятельности и свободные от такого риска.

Соответственно, можно заключить, что в конце XX в., когда создавалось российское корпоративное законодательство, была воспринята идея корпорации, возникшая в эпоху промышленной революции в Европе и характерная именно для того витка европейской модернизации. Ключевым в развитии корпоративной модели для той эпохи

¹ В настоящей публикации термины «корпорация», «компания» и «хозяйственное общество» используются как синонимы, если иное специально не следует из текста статьи.

² Речь идет о теориях, обосновывающих существование института юридического лица различными социальными и имущественными «субстратами».

³ Цит. по: Bainbridge S. Abolishing Veil Piercing // 26 Journal of Corporation Law. 2001. P. 479.

стало право Великобритании — наиболее могущественной мировой державы нового времени. Вторая половина XIX в. в Англии — это время существенного изменения общественного уклада, переходу к формату индустриального общества. Сопутствовавшее этому постепенное обезличивание капитала и коммерческой практики⁴ легло в основу новой концепции, допускавшей существование компаний с единственной целью — разграничения имущественных фондов участников оборота по критерию подверженности рискам, при котором ни цели, ни размер, ни количество участников корпорации не учитываются. Этот подход после серии законодательных актов, постепенно подводивших к нему⁵, закрепил высший суд Британской империи — Палата лордов в широко известном решении по делу «Арон Саломон против компании "Арон Саломон Лимитед"»⁶. Смысл решения можно кратко выразить словами участвовавшего в его обсуждении лорда Макнаугтена (*Macnaughten*): «Если акции полностью оплачены, то не имеет значения, кому они принадлежат, одному человеку или нескольким»⁷. Палата лордов, по сути, признала допустимость существования компаний одного лица, обладающих ограниченной ответственностью⁸.

Несмотря на то что данное решение не содержит какого-либо теоретического обоснования сущности юридического лица, оно дало гораздо больший эффект, нежели теоретические модели континентального права, — определило практику использования корпораций в XX в. в преобладающем большинстве развитых правопорядков капиталистической формации⁹.

На излете лихой поры капитализма эпохи *fin de siècle* в западных правопорядках правом был выработан инструментарий, позволявший сбалансировать позицию, выраженную в решении по делу Саломона. Компании, созданные с целью достижения их участниками односторонних выгод и ухода от ответственности, постепенно перестали быть надежной защитой от претензий кредиторов. В английском праве возникла доктрина «снятия корпоративного покрова» (*piercing of corporate veil*), позволяющая в целом ряде случаев не учитывать подхода, проистекающего из дела Саломона, и распространять предъявляемые к компании требования на ее участников.

В известном учебном курсе по английскому праву компаний выделяют-

ся следующие группы случаев «снятия корпоративного покрова»:

- 1) наличие отношений агентирования между участниками компании и компанией;
- 2) мошенничество;
- 3) деятельность компании и ее акционеров в качестве единого хозяйственного субъекта (экономического образования);
- 4) наличие отношений траста между участниками компании и компанией;
- 5) совершение компанией деликтов;
- 6) враждебный государству характер деятельности компании;
- 7) в целях налогообложения;
- 8) в силу императивных требований корпоративного законодательства;
- 9) в силу императивных требований прочих актов законодательства¹⁰.

Институт «снятия корпоративного покрова» получил большое распространение и в США. Уже в 1905 г. федеральный суд этой страны констатировал: «Если какое-либо общее правило может быть положено в основание правосудия, то это правило о том, что корпорация должна рассматриваться как самостоятельный субъект права по умолчанию до тех пор, пока не будут обнаружены существенные основания для обратного; а когда конструкция корпорации как самостоятельного субъекта права используется для нарушения общественного благополучия, оправдания правонарушений, защиты мошенничества и покрытия преступления, право должно рассматривать корпорацию как сообщество ее участников»¹¹.

Относительно эффективности института «снятия корпоративного покрова» в англо-американской юриспруденции высказываются различные, в том числе и негативные, мнения¹², однако в основе своей данный институт удовлетворяет своему предназначению по обеспечению баланса системы правового регулирования¹³. При этом с середины XX в., как в Великобритании, так и в США постоянно усиливается сфера законодательного ограничения принципа самостоятельности юридического лица и ограниченности ответственности его участников.

История вывела к концу XX столетия в новые мировые лидеры другую страну англосаксонского мира — США, от которой, как нам представляется, российский законодатель в полной мере и воспринял конструкцию корпорации, некогда рожденную в деле Саломона.

Удалось ли вместе с базовой идеей индустриального общества воспринять и ее развитие, компенсирующее некоторый радикализм этой идеи?

Специальный правовой инструментарий, которым располагает российский юрист в данной сфере, можно легко изложить на одной странице двенадцатым шрифтом с полуторным интервалом. Прежде всего, это ст. 105 ГК РФ и принятые в ее развитие статьи под номером 6 двух федеральных

⁴ Начало этой эпохи ярко отразил Чарльз Диккенс, по мнению многих исследователей, «великий английский реалист XIX века» (История английской литературы/пол ред. И. И. Анисимова и др. Том 2. Вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1953, С. 105). Например, в романе «Крошка Доррит» Диккенс показывает направление трансформации английского делового мира в сторону мира обезличенного чистогана, в котором господствуют безликий и бездушный магнат Мердл и мошенник без имени и родины Рито (он же Бландау). В предисловии к роману автор разъяснил, какие факты способствовали созданию образа Мердла: «<...> он был задуман после эпопей с железнодорожными акциями, в пору деятельности некоего Ирландского банка и еще одного — двух столь же почтенных учреждений» (Диккенс Ч. Собрание сочинений в 30 т.: Т. 20. М., 1960. С. 2–3).

⁵ Если, согласно ст. 25 Закона об акционерных компаниях 1844 г. (*the Joint Stock Company Act 1844*), акционер считался обязанным всем своим имуществом по долгам компании в случае недостаточности имущества компании при ее ликвидации, то после Закона об акционерных компаниях 1856 г. (*the Joint Stock Company Act 1856*) появилась возможность ограничения ответственности, но только для компаний с числом акционеров не менее семи. Аналогичное положение было реализовано и в Законе о компаниях 1862 г. (*the Companies Act 1862*). Цит. по: *Tam C. Piercing the Corporate Veil: Searching for Appropriate Choice of Law Rules// Lloyd's Maritime and Commercial Law Quarterly*, February, 2007. P. 36.

⁶ *Salomon v. Salomon & Co. Ltd* (1896), [1897] A.C. 22 (H.L.).

⁷ Там же.

⁸ Сама идея ограниченной ответственности, конечно, не была изобретена в деле Саломона (еще со времени создания первой в Европе акционерной компании, Голландской Ост-Индской компании в 1602 г. — ее акционеры пользовались привилегией ограниченной ответственности). Но распространение принципа ограниченной ответственности, по сути, на компанию одного лица было революционным.

⁹ О значении этого решения существует необозримая масса литературы. См., например, сборник статей, посвященный столетию данного решения: *Corporate Personality in the 20th Century* ed. by Ross Grantham, Charles Rickett (Hart Publishing, London, 1998).

¹⁰ См.: *Farrar J., Hannigan B., Furey N., Wylie P. Farrar's Company Law*, 4th edition. Butterworths, London, 1998.

¹¹ *United States v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.* 142 F. 247 C.C.Wis. 1905. Цит. по: *Krendl C. S., Krendl J. R. Piercing the Corporate Veil: Focusing the Inquiry* 55 *Denver Law Journal* 1 (1978). P. 1.

¹² См., например: *Bainbridge S. M. Abolishing Veil Piercing*, 26 *Journal of Corporation Law* (2001). P. 479–535; *Moore M. «A Temple Built on Faulty Foundations»: Piercing of the Corporate Veil and the Legacy of Salomon v Salomon*, *Journal of Business Law* (March, 2006). P. 180–203.

¹³ См., например: *Thompson R. B. Piercing the Veil: Is the Common Law the Problem?* 37 *Connecticut Law Review* (Spring 2005). P. 620; см. также *Strasser K. A. Piercing the Veil In Corporate Groups*, 37 *Connecticut Law Review* (Spring 2005). P. 637–665.

законов: от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» и от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах» (далее — Закон об акционерных обществах).

Указанные нормы, несмотря на свое системообразующее значение для гражданско-правового регулирования в исследуемой области, касаются исключительно взаимоотношений в рамках так называемых предпринимательских объединений, т.е. различных групп компаний (холдингов, трестов, концернов и т.д.). Данный вывод основан на том, что все перечисленные статьи регламентируют отношения только между хозяйственными обществами (ст. 105 ГК РФ также допускает возможность, когда доминирующим признается товарищество¹⁴). Упомянутые статьи не регламентируют отношения между основным участником, являющимся физическим лицом, некоммерческой организацией, унитарным предприятием или публичным правовым образованием, и обществом, в котором такой участник доминирует. По большому счету, можно сказать, что в российском гражданском законодательстве соответствующих специальных норм нет (и торговец Саломон, оказавшись он в условиях современной российской действительности, не столкнулся бы с теми проблемами, которые ему пришлось пережить в Англии, когда суды первой и апелляционной инстанций отказывали ему в праве приоритетного удовлетворения обеспеченного требования к компании «Арон Саломон Лимитед»). Нормы российского законодательства основаны на предположении, что злоупотребление правовой формой корпорации может исходить только от другой корпорации, но никак не от физического лица.

Анализируемыми нормами законодательства РФ устанавливается следующая формула привлечения основного хозяйственного общества к ответственности по долгам его дочернего общества: «Основное общество (товарищество), которое имеет право давать дочернему обществу, в том числе по договору с ним, обязательные для него указания, отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний». При этом для случаев, подпадающих под действие Закона об акционерных обществах¹⁵, предусмотрено, что «основное общество (товарищество) считается имеющим право давать дочернему обществу

обязательные для последнего указания только ... когда это право предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества». Для всех прочих случаев такого условия не установлено.

Указанная формула имеет в крайней степени ограничительный характер:

1) основное общество признается ответственным *только по сделкам*, заключенным дочерним обществом, тем самым исключается наиболее важная сфера ответственности основного общества за причинение дочерним обществом вреда;

2) основное общество признается ответственным, только когда имеет некое *формальное право* давать указания, обязательные для исполнения дочерним обществом, причем для акционерных обществ (но непонятно, дочерних или основных)¹⁶ такое право должно быть закреплено или в уставе дочернего общества, или в договоре с ним.

Интересно отметить, что в отношении второго из приведенных ограничительных положений высшими судами было дано разъяснение, которое могло бы лечь в основу более гибкого толкования этой нормы. Так, в совместном Постановлении пленумов ВС и ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 было сказано не о праве основного общества (товарищества) давать указания, а лишь о «возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом, либо давать обязательные для него указания». К сожалению, это разъяснение не получило развития на практике.

Например, в деле, рассмотренном судами Уральского округа¹⁷, общество М. обратилось с требованием к обществам У. и З. как к солидарным должникам в силу того, что У. являлось на момент возникновения требования основным обществом по отношению к З. (владело 100% долей участия в капитале З. и выполняло функции единоличного исполнительного органа З. по договору). Суды в удовлетворении заявленных требований отказали, отметив при этом, что У. не является основным обществом для З. по следующим причинам: 1) договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа нельзя считать договором, предоставляющим право давать обязательные для З. указания на совершение сделок; 2) владение У. большей части долей участия в капитале З. было признано недействительным в силу признания недействительной сделки уступки указанных долей. Таким образом, факт владения У. 100%

долей участия в капитале З. не был признан существенным для установления отношений «основное — дочернее общество», поскольку впоследствии такое владение было признано недействительным, что означает отсутствие соответствующего формального права давать указания. Между тем, признание недействительным титула не меняет того обстоятельства, что общество У. имело практическую возможность определять решения З., будучи фактическим владельцем 100% долей участия в капитале последнего на момент возникновения требования, но этого суд не учел.

Целевую функцию (идею, которая лежала в основе) исследуемых норм можно легко понять через призму формулировки п. 1 ст. 6 Закона об акционерных обществах: «Общество может иметь дочерние и зависимые общества с правами юридического лица на территории Российской Федерации». Эта формулировка создает легкое ощущение *déjà vu*: подобные обороты запросто представить себе в актах советского

¹⁴ Организационно-правовая форма товарищества дополняет нормы о юридических лицах в ГК РФ исключительно в качестве декоративного элемента, демонстрирующего неускушенному читателю глубокое (возможно, дореволюционные) корни ГК РФ. В настоящее время, если товарищества и создаются, то для каких-то экзотических целей вроде мошеннического привлечения дольщиков в инвестиционные проекты в строительстве (как это делала печально известная компания «Социальная инициатива»), а не для предпринимательской деятельности.

¹⁵ Отдельной дискуссии заслуживает вопрос: в каких случаях положение п. 3 ст. 6 Закона об акционерных обществах применимо? Из формулировки данного положения не вполне понятно, какое общество должно быть акционерным, чтобы задействовать данный закон, — дочернее или основное. По косвенному признаку (использованию в рассматриваемой статье Закона пары «основное общество — товарищество») можно предположить, что основное общество может быть и с ограниченной ответственностью (поскольку на его месте может быть и товарищество), следовательно, именно дочернее общество должно быть акционерным для того, чтобы положение п. 3 ст. 6 указанного Закона подлежало применению. Однако п. 1 ст. 6 Закона об акционерных обществах устанавливает следующее правило: «общество может иметь дочерние и зависимые общества с правами юридического лица на территории Российской Федерации, созданные в соответствии с настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами, а за пределами территории Российской Федерации — в соответствии с законодательством иностранного государства по месту нахождения дочернего или зависимого общества». Таким образом, очевидно, что дочерними могут быть разные общества, а не только акционерные. На наш взгляд, ответить на вопрос о применении нормы п. 3 ст. 6 Закона об акционерных обществах невозможно; эта норма — очередной законодательный ляп.

¹⁶ См. предыдущую сноску.

¹⁷ Постановление ФАС Уральского округа от 09.07.2008 г. по делу № Ф09-4806/08-С4.

или раннего приватизационного законодательства, а не в контексте современного российского гражданского права¹⁸.

В доктрине российского корпоративного права высказывается мнение, что нормы ст. 105 ГК РФ и шестых статей двух корпоративных законов были созданы с узкой целью построения предпринимательских объединений¹⁹. Так, И. Шиткина отмечает: «... для России в силу целого ряда обстоятельств — размера территории, географических особенностей, значительного по длительности периода социалистической плановой экономики — характерна традиция осуществления хозяйственной деятельности в крупных интегрированных структурах (достаточно вспомнить производственные, промышленные объединения советских времен). Принципиальная новизна объединений коммерческих организаций рыночного периода заключается в переходе от плановых процессов централизации управления к корпоративной самоорганизации»²⁰.

В период массовой приватизации в России очень активно обсуждалась идея трансформации государственного управления в различные формы предпринимательских объединений. Е. Торкановский писал, что поскольку «большое количество предприятий, базирующихся на государственной собственности, оказалось вне сферы государственного влияния, возникла острая необходимость создания, организационно-правовых структур, позволяющих министерству, не потеряв управляемость подведомственными предприятиями»²¹. Данную идею активно поддерживали многие авторы этого периода²².

Естественно, если законодатель ставит перед собой цель всячески поощрять «осуществление хозяйственной деятельности в крупных интегрированных структурах», то он не заинтересован в том, чтобы чрезмерно обременять такие структуры и требовать снятия «корпоративного покрова» с часто убыточных дочерних компаний. В результате складывается довольно странная ситуация: в основе российского корпоративного законодательства лежит радикальный принцип индустриальной эпохи, требующий строгого обособления ответственности участников корпорации от ответственности самой корпорации, в то же время конструкции, призванные сбалансировать

радикализм указанного принципа, базируются на идеях полугосударственного управления экономической за счет предпринимательских объединений. Построение модели корпоративного права на таких разных принципах явно не соответствует законам системности в развитии правовой материи.

Единственный случай, когда гражданское законодательство устанавливает ответственность участника юридического лица, который сам не является юридическим лицом — хозяйственным обществом или товариществом, предусмотрен в п. 3 ст. 56 ГК РФ. Этой нормой закреплена субсидиарная ответственность любых учредителей или участников любых юридических лиц по долгам последних в случае несостоятельности (банкротства), если «несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия».

Пленумы ВС РФ и ВАС РФ в своем постановлении от 1 июля 1996 г. № 6/8 разъяснили, что несостоятельность (банкротство) юридического лица в приведенном случае для возложения ответственности на учредителей (участников) должна была быть вызвана *указаниями или иными действиями* учредителей (участников). Таким образом, для установления субсидиарной ответственности на основании п. 3 ст. 56 ГК РФ, по мнению высших судов РФ, недостаточно бездействия учредителей (участников), породившего несостоятельность юридического лица, — несостоятельность должна быть вызвана их активными действиями.

Еще одна странность в регулировании рассматриваемой области состоит в том, что ст. 105 ГК РФ (вместе с шестыми статьями указанных корпоративных законов) для взаимоотношений основного и дочернего хозяйственных обществ устанавливают более строгое ограничительное условие, чем п. 3 ст. 56 ГК РФ для всех прочих случаев. Согласно ст. 105 ГК РФ, основное общество субсидиарно отвечает только при наличии вины в наступлении несостоятельности (банкротства) дочернего, в то время как в п. 3 ст. 56 ГК РФ слово «вина» не используется. Правда, вслед за ст. 105 ГК РФ о вине упоминается также в п. 4 ст. 10 Федерального

закона «О несостоятельности (банкротстве)» при регламентации аналогичных с п. 3 ст. 56 ГК РФ случаев.

Для понимания указанного различия важно ответить на вопрос: равноценны ли выражения «отвечать в случае наступления несостоятельности по вине участника» и «отвечать в случае, если несостоятельностью была вызвана участником»? На наш взгляд, нет. Во втором случае формулировка явно шире и допускает использование имущества участника для покрытия требований кредиторов и без вины. В то же время российская судебная практика стабильно придерживается позиции, что норма п. 3 ст. 56 ГК РФ устанавливает юридическую ответственность участников и иных лиц, вызвавших несостоятельность, которая должна подчиняться «общеправовым принципам юридической ответственности»²³. Однако такой подход не вполне соответствует буквальному значению указанной нормы ГК РФ. Как представляется, условие о привлечении к субсидиарной ответственности не всегда требует наличия общеправовых условий привлечения к юридической ответственности, которыми являются:

- а) причинение вреда;
- б) противоправность поведения причинителя вреда;

¹⁸ В рамках нормальной системы гражданского права нет необходимости специально оговаривать то, что хозяйственное общество, являющееся полноценным участником гражданского оборота, обладает правом владеть акциями и долями участия в других обществах. Не менее странно звучит и формулировка «общество с правами юридического лица»: она явно бессмысленна в системе нормального гражданского законодательства.

¹⁹ Существует, правда, мнение, что создание этих норм «преследует цель защитить интересы кредиторов и участников обществ (акционерных и с ограниченной ответственностью), оказавшихся под влиянием других предпринимательских организаций» (Гражданское право: Учеб. В 3 т. Т. 1. 6-е изд./Н. Д. Егоров, И. В. Елесева и др.; Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М., 2004. С. 189), но мы не нашли ни одного практического примера такой защиты, в то время как созданию интегрированных структур эти нормы способствуют.

²⁰ Шиткина И. Гражданско-правовая ответственность основного общества по долгам дочернего//Корпоративный юрист. 2005. № 1.

²¹ Торкановский Е. Организационно-правовые формы государственного предпринимательства//Хозяйство и право. 1994. № 4. С. 48.

²² См., например: Мильнер Б. Кризис управления//Вопросы экономики. № 1. 1993. С. 84–85; Беркович Л. А. Холлинговая приватизация: плюсы и минусы//ЭКО. № 9. 1992. С. 84; Боко И. П., Иванова В. В. Приватизация имущества крупных предприятий России: политический эффект или экономическая эффективность?//Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 5. Вып. 1. № 5. 1993. С. 4 и др.

²³ См., например: Постановление ФАС Московского округа от 18.11.2005 г., 11.11.2005 г. № КГ-А40/10953-05-П, 10953-05-П-2.

в) причинная связь между противоправным поведением и наступлением вреда;

г) вина причинителя вреда²⁴.

Так, в случае, предусмотренном в п. 2 ст. 120 ГК РФ, при недостаточности денежных средств частного или бюджетного учреждения субсидиарную ответственность по обязательствам такого учреждения несет собственник его имущества. Суды РФ при рассмотрении споров с участием собственников имущества учреждений не требуют соблюдения общеправовых условий привлечения к юридической ответственности²⁵, как они требуют этого при рассмотрении споров по п. 3 ст. 56 ГК РФ.

Данная позиция поддерживается и в цивилистической доктрине. Так, Е. Прус высказывает мнение, что «термин "субсидиарная ответственность", применяемый к отношениям, не связанным с совершением субсидиарным должником правонарушения, является условным»²⁶, в связи с чем предлагает «классифицировать субсидиарные правоотношения с участием учредителей (участников) юридического лица на регулятивные (субсидиарные обязательства) и охранительные (субсидиарную ответственность) в зависимости от факта наличия (отсутствия) правонарушения со стороны названных лиц»²⁷.

Возложение на доминирующих участников юридических лиц субсидиарной ответственности в случае, если ими вызвана несостоятельность (без доказывания наличия вины и иных условий привлечения к юридической ответственности на основании правонарушения), в определенной степени поколеблет радикализм принципа ограничения ответственности участников корпораций, но это, на наш взгляд, пошло бы указанному принципу на пользу за счет смягчения его истинно диккенсовских крайностей.

На этом перечень специальных положений, регламентирующих ответственность участника по долгам общества в российском праве, увы, заканчивается. Правда, можно было бы еще упомянуть нормы п. 6 ст. 98 и п. 2 ст. 88 ГК РФ. Например, Е. Суханов обращает внимание на то, что в ГК РФ потребовалось внести указанные нормы, ограничивающие возможность учреждения одной дочерней корпорации, «в противном случае создавалась бы реальная возможность

устранить стоящих за такими обществами физических лиц от всякой ответственности по долгам созданных ими организаций и появилась бы реальная опасность злоупотребления»²⁸. К сожалению, довольно очевидно, что мер, предусмотренных п. 6 ст. 98 и п. 2 ст. 88 ГК РФ, явно недостаточно для ликвидации «реальной опасности злоупотребления». Тем более что никакой санкции за нарушение запрета, установленного этими нормами, законодательством не предусмотрено. В то же время такая «реальная опасность злоупотребления» есть, но нуждается в иных, более «зубастых» мерах воздействия, чем запрет участия одной дочерней компании в другой.

Отдельного упоминания, однако, заслуживают случаи, в которых ответственность за действия хозяйственного общества может быть возложена на участника как на члена группы лиц в рамках законодательства о защите конкуренции.

Согласно ч. 2 ст. 9 действующего Федерального закона от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции», установленные данным законом «запреты на действия (бездействие) хозяйствующего субъекта, хозяйствующих субъектов распространяются на действия (бездействие) группы лиц»²⁹. Понятие группы лиц имеет отношение и к сфере гражданско-правовой ответственности за антиконкурентное поведение³⁰, а указанное положение о группе лиц как квазисубъекте отношений, регулируемых законодательством о конкуренции, может лечь в основу возложения ответственности за действия одного из участников группы лиц на прочих ее участников³¹.

Такого рода нормы, позволяющие солидаризировать ответственность участников группы лиц за антиконкурентное поведение, являются исключением для российского частного права, но могут быть обнаружены в ряде публичных отраслей. В гражданском законодательстве подобные правовые инструменты не получили распространения даже в сферах, близких по своей сути к конкурентному законодательству, в частности в сфере возмещения вреда, причиненного экологическими правонарушениями или нарушением прав потребителей.

В то же время со второй половины XX в. страны Запада активно поощряют экономическую модель, в основе которой лежит деятельность глобальных корпораций, структурированных

с целью распределения рисков и доходов между головной компанией и ее дочерними предприятиями в интересах первой. «Роль глобальных транснациональных корпораций состоит в том, чтобы выводить грязные производства из развитых стран, эксплуатировать нищих для производства дешевых товаров и продвигать неумеренный и расточительный образ жизни в развитых странах за счет бедности прочий наций», — пишет в своей известной работе профессор Дж. Дайн³². Очевидно, что в настоящее время Россия в этой схеме не в рядах развитых стран. Институт ответственности основного общества по долгам дочернего, особенно по обязательствам из причинения вреда, мог бы стать одним из инструментов противодействия указанным негативным тенденциям, хотя бы на локальном уровне. Однако развитие норм об ответственности доминирующих участников корпораций за причинение вреда их дочерними компаниями все еще сконцентрировано в правовых порядках индустриально развитых стран³³. Россия, как часто бывало, не торопится...

²⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.04.2000 г. № 8051/99.

²⁵ Например, ФАС Волго-Вятского округа при рассмотрении спора указал: «Решение мотивировано тем, что наличие и размер задолженности основного должника установлены вступившим в законную силу судебным актом, денежные средства у должника отсутствуют, поэтому субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения несет собственник его имущества». Этих условий (установления требования и неоплатности его учреждением) оказалось достаточно, чтобы сделать следующий вывод: «Суды установили совокупность необходимых условий для применения субсидиарной ответственности, поэтому с учетом названных правовых норм суд правомерно удовлетворил иск» (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24.01.2008 г. по делу № А43-5457/2007-20-103).

²⁶ Прус Е. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица: Дис. ... к.ю.н. М. 2006. С. 7.

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ Суханов Е. Юридические лица (Комментарий к ГК)/Хозяйство и право. 1995. № 3 (218). С. 8.

²⁹ Данная норма в полной мере воспроизводит положение абз. 25 ст. 4 ранее действовавшего Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».

³⁰ Об этом подробнее см.: Иванов А. Возмещение вреда, причиненного в ходе конкуренции: вопросы частного права// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 3. С. 191.

³¹ Там же. С. 193-194.

³² Dine J. The Governance of Corporate Groups. Cambridge University Press, 2000. P. 176.

³³ См. об этом: Tully S. «Never say never jurisprudence»: Comparative Approaches to Corporate Responsibility under the Law of Torts in Research Handbook of Corporal Legal Responsibility/ed. by Stephen Tully (Edward Elgar Publish., 2005). P. 127.